

1

— Это только в кино так — нашли труп в кустах и кто-то там истошно закричал... — говорила, уткнувшись лицом в плечо мужа, молодая женщина в мокром купальнике и наброшенной на плечи голубой кофточке. Она вся дрожала, даже зубы стучали. — А это в реальности, подхожу к камышам, а там, в темной воде, белеет нога...

— Ну, во-первых, это не камыш, — пытался отвлечь жену от кошмарной картинки, которая не отпускала ее вот уже почти два часа, муж. — Это рогоз. Во-вторых, зачем ты вообще полезла туда?

— Так нарвать для букета, чтобы домой привезти!

— Помнится, совсем недавно ты говорила, что букет из камыша...

— Из рогоза же!

— Да какая разница?! Говорят, что поставить букет из камыша в доме — плохая примета.

Женщина всхлипнула:

— Ну да, камыш в доме к болезням и смерти! Получается, что примета работает... Хоть домой и не привезли, а смерть, вот она, в камышах! Ска-

жи, ее уже достали оттуда? Молодая? Как выглядит?

— Таня, что у тебя в голове? Спроси еще, красивая она или нет!

— Так женщина же, Боря, человек, жалко. Что с ней сделали? Господи, ужас-то какой!

На берегу, на песке, лежало тело молодой женщины. Мокрые светлые волосы облепили голову, закрыли половину лица. На женщине был сплошной купальник черного цвета. Утопленница была худощавая, с плоской грудью, при жизни — высокая и стройная. Такой ее, во всяком случае, представил себе Борис. И она, конечно же, не просто утопленница. В области живота можно было разглядеть рану. «Нож, — решил Борис. — Ее убили ножом. Это убийство».

Над телом склонился мужчина в легком летнем костюме — судя по всему, судмедэксперт. Молодой следователь, обливаясь потом в сером костюмчике, сидя на пеньке поодаль от тела и пристроив папку на коленях, записывал что-то, видимо, вел протокол.

— Боря, когда уже можно будет поехать домой? — заскулила Таня, еще глубже зарываясь носом в поросшую шерстью грудь мужа. — И пусть ее уже поскорее увезут!

Последние слова прозвучали особенно истерично, она буквально взвизгнула.

— Хочешь выпить?

— Но только не шампанского, — захныкала она. — Давай уже водки.

2

Она не ночевала дома. Я понимаю, конечно, многие взрослые люди позволяют себе не ночевать дома, что у них случаются свидания, какие-то спонтанные поездки, несчастные случаи или просто непредвиденные обстоятельства, при которых невозможно ни добраться до дому, ни позвонить. Но все это не про мою сестру. Я не помнила ни одного случая, чтобы Марина не пришла ночевать (разве что останется на ночь у своей лучшей подруги, которая живет в соседнем подъезде, но это не в счет). Где бы она ни была, где бы ни задерживалась, все равно возвращалась домой, на такси ли, на машине друзей, даже пешком!

«Приветик, моя дорогая, — говорила она, входя глубокой ночью в мою спальню, пахнувшая улицей, морозом, снегом или мокрой листвой, усаживалась на кровать, брала меня за руку, склонялась надо мной и шептала на ухо: — Я вернулась. Теперь можешь спать спокойно. Или ты подумала, что твоя старшая сестра бросит тебя одну на всю ночь? Я здесь, с тобой, и я люблю тебя, моя дорогая Катя. Ну все, спокойной ночи».

Она поправляла мое одеяло, целовала меня, разбуженную и почти спящую, в щеку и выходила из комнаты.

Она на самом деле редко задерживалась. Как правило, с работы она могла зайти только в магазин за продуктами, а потом спешила домой, ко

мне. Когда же задерживалась я, моей сестрой это воспринималось как тяжелейшее преступление против семьи, и когда такое со мной случалось, я чувствовала себя страшно виноватой и страдала рядом с обиженной и замкнувшейся в себе сестрой.

Марина — прирожденный педагог, она филолог, как и я, и преподает в обычной школе. Я же — в Кропоткинском лицее (для непосвященных, это один из самых престижных лицеев города, где обучение стоит больших денег и куда не так-то просто попасть в качестве ученика, не говоря уже о том, чтобы устроиться туда преподавателем). Моей сестре тридцать два года, она человек целеустремленный, серьезный, ответственный, умеющий любить, и я не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы у меня не было Марины. Должно быть, я пошла бы по наклонной (так, во всяком случае, она и говорит).

Так вот. В то утро я вдруг отчетливо поняла, что Марины в доме нет. Точнее, в квартире. Потому что если бы она была дома, то даже до моей спальни добрались бы аромат кофе или запах яичницы. Да и звуков было бы куда больше. Это и хлопанье дверей, шум льющейся воды, стук дверцы кухонного шкафа, фарфоровое звяканье посуды, характерный звук открывающегося холодильника, шаги, тихая электронная мелодия, оповещающая конец стирки нашей новой стиральной машинки, или тихий голос моей сестры, разговаривающей по телефону.

Как же могло такое случиться или, вернее, что же такого могло случиться, чтобы Марина вчера не вернулась домой? Куда она пошла? Что она говорила? Возможно, я и запомнила бы это или хотя бы знала, если бы не эта неприятная история с конфетами.

Ну да, я купила дорожные шоколадные конфеты, Michel Cluizel, заплатив за драгоценную коробочку больше трех тысяч рублей. Решила покутить с полочки. Что в этом такого? Так хотелось попробовать мне знаменитых французских конфет. Купила, принесла домой, заварила чай и стала дожидаться прихода с работы моей сестры. Она пришла, увидела коробку на столе, пожалала плечами и пошла переодеваться.

— Марина, посмотри, какие конфеты я купила, — сказала я. — Помнишь, я рассказывала тебе о них?

— Это те, что кучу денег стоят? — услышала я доносящийся из ее спальни какой-то утробный голос, из чего сделала вывод, что она стягивает с себя через голову юбку или блузку.

— Ну да...

— Я сейчас приду, — буркнула она и заявила на кухню в халате. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Я понимаю, конечно, — завела она старую пластинку, — что тебе крупно повезло, что ты устроилась в Кропоткинский лицей, где платят огромные деньги, хотя ты, как филолог, ничуть не лучше меня, если не хуже... И вместо того,

чтобы учить детей литературе и русскому языку, ты гуляешь с ними по парку, слоняешься по музеям, кормишь их пиццей... Но это твой метод воспитания, мы с тобой уже это обсуждали. Дешевый популизм. Ладно. Ты хочешь таким образом завоевать любовь своих учеников. Но вот так бездумно и легкомысленно взять и отвалить три тысячи за небольшую коробку конфет!.. Тебе что, русских конфет не хватает? Бабаевские там и другие. Вкуснейшие конфеты!

И тут она в порыве каких-то яростных чувств вскрывает коробку французских конфет, и мы обе видим, что все двадцать восемь толстеньких квадратных конфет с разноцветными марципановыми вкраплениями покрыты белым налетом. Таким нехорошим белесым пудровым налетом, как это бывает со старыми, побывавшими в холодильнике шоколадными конфетами.

— Ну вот, что я говорила?! — торжественно и как-то даже победоносно воскликнула Марина, тыча указательным пальцем в коробку. — Еще и старые купила! С червями!

Мне и самой уже неудобно перед сестрой. Зачем я потратила столько денег на эти конфеты? Что за дурь?

— Уж лучше купила бы гель для стирки белья и упаковку туалетной бумаги, все скоро закончится. И муки бы пять килограммов взяла. А еще лучше — купила бы говядины, может, хватит тебе уже жирными свинными отбивными

ужинать? Ты когда на весы последний раз вставала? Ты только посмотри на себя, разжирела как свинья!

Вот кто, как не самый близкий человек, скажет мне правду? Никто. В моем коллективе все считают меня стройной, и никому в голову не придет обозвать меня жирной. Но что они знают обо мне? Да ничего. А вот моя сестра знает обо мне все. И если кому я и не безразлична по большому счету и кто заботится обо мне, так это только она, Марина. И если она считает, что я ем слишком много жирного и сладкого, то это сушая правда. И что все это вредно.

Почему я вспомнила обо всем этом в то утро? Да потому, что в квартире было нестерпимо тихо — Марина не вернулась.

Это я сейчас так спокойно вспоминаю сцену с конфетами и то, как меня обозвали жирной свиньей. Но тогда, помнится, мне стало так обидно и за конфеты, и за только что заваренный чай, и за мое желание посидеть с сестрой, почаевничать, а вместо этого получить порцию нравоучений, что я заплакала.

— Когда ты плачешь, — сказала тогда сестра, — то словно выпиваешь из меня всю душу. Ты думаешь, конечно, что я хотела тебя оскорбить, унижить, а ведь я люблю тебя, дурочка моя, и всегда хочу тебе только добра. Но раз ты так реагируешь на мое желание помочь тебе, раз ты не ценишь мою любовь, то забудь, что я вообще есть.

Это были ее последние слова в тот вечер. Я знала, что последует за этим. Несколько дней молчания. Несколько дней моих страданий, потому что я не могу, когда Марина молчит. Чувство вины заглатывает меня целиком, и я начинаю задыхаться...

В дверь позвонили, я пошла открывать. Это была Зоя, коллега Марины и наша соседка, она жила в соседнем подъезде.

— Привет, Катюша, — сказала она, широко улыбаясь. В школе готовились к первому сентябрю, и все учителя были привлечены к авральным августовским работам. Они отмывали окна после ремонта, заполняли документы, готовили учебные программы, писали планы, работали с методической литературой, подготавливали список литературы для учеников, приводили в порядок цветы, которые забирали в июне домой, украшали кабинеты. Вот и сейчас на Зое был не строгий костюм или скромное платье учительницы начальных классов, а джинсы и веселая блузка.

— Привет, Зоя, — проговорила я растерянно, почему-то оглядываясь, словно где-то в квартире могла прятаться до этого не обнаруженная Марина. Я же понимала, что Зоя зашла за моей сестрой, чтобы они вместе отправились в школу.

— Куда сестру спрятала? Время!

— Так сегодня же суббота. Выходной.

— Да это все понятно. Но мы же с ней договаривались, что вместе пойдем — к десяти долж-

на приехать одна наша родительница, у нее свой цветочный магазин, и она дарит классу двадцать горшков с цветами, в основном с геранями. Ну как не встретить родительницу, не расставить цветы? Да там работы-то всего на часок.

— Зоя, Марины нет. Она не вернулась вчера домой. Не знаю, куда она отправилась и с кем, но ночевать не пришла.

— Марина? Да куда она могла отправиться?

— Понятия не имею. Мы с ней вчера немного поссорились, она, как это водится, перестала со мной разговаривать, я закрылась в своей комнате, но слышала, что она точно куда-то собирается. Она хлопала дверями шкафов, носилась по комнатам туда-сюда, потом сильно запахло духами. И когда я вышла, то застала ее уже в прихожей, вот здесь, она сидела на стуле и надевала свои новые сандалии. На ней был спортивный костюм, а на полу стояла дорожная сумка, из которой торчало горлышко нашего старого китайского термоса.

— Мальбрук в поход собрался, значит. Понятненько. Но с кем?

— Я подумала, что с тобой.

— Нет. Я ничего об этом не знаю. А что ее телефон?

— Он молчит. Ни гудков, ничего. Он словно умер.

— Бр-р-р... Ну ты и скажешь! Гудков нет?

— Нет.

— А до того как вы поссорились, она ничего не рассказывала, куда собирается?

— Нет. Но вид у нее был довольно счастливый.

— А чего ругались-то?

— Да так... Мелочи жизни, — я никогда не посвящала посторонних в наши семейные дела. Осторожничала.

— Ну что ж... Будем надеяться, что твоя сестра нашла себе мужичка да и загуляла!

Мне показалось или нет, что в голосе Зои прозвучала насмешка?

Всем было известно, что самая главная проблема в жизни моей сестры — это отсутствие какой-либо личной жизни. Что мужчины, несмотря на ее, казалось бы, эффектную внешность (высокий рост, красивая худоба, огромные черные глаза), обходили ее стороной, словно она была заколдована злой ведьмой. Мы с Зоей не раз обсуждали эту тему. Обычно это происходило после какого-нибудь веселого школьного корпоратива, к которому моя Марина готовилась задолго, надеясь хотя бы в расслабленном и пьяненьком состоянии понравиться кому-нибудь из преподавателей-мужчин. Покупались платья и украшения, косметика и духи, туфли и сумочки-клатчи, но очередной корпоратив происходил так же, как и предыдущий, и, вернувшись поздно ночью домой и сорвав с себя одежду, Марина подолгу рассматривала себя в зеркале, пытаясь понять, что в ней не так.

— За метр обходят, — удивлялась она, глядя на свое довольно-таки поджарое и мускулистое тело. — Что грудь плоская, так это у половины

наших баб такая же беда. Но только они все замужем, детей куча. Что во мне не так, Катя?

— Да все в тебе так, — поддерживала ее я. — Просто все они слепые. Или же, что самое страшное, видят в тебе умную женщину, именно это их и отпугивает.

— Хочешь сказать, что я работаю с одними дурами?

Что тут было ответить? Я переводила разговор на другую тему. Спрашивала, не сползали ли чулки на кружевных резинках с ляжек, когда она танцевала, комфортно ли ей было в новом платье? Обратили ли ее коллеги внимание на ее новые серьги, и все в таком духе. Она понимала этот мой маневр, отмахивалась от меня и шла в душ, где, как я понимала, она будет плакать.

Я знала, что после таких вечеринок с обилием шампанского и закусок моя сестра захочет поесть перед сном горячих щей или супа, а потому, пока она приходила в себя в ванной комнате, подогрела ей еду, накрывала на стол на кухне, дожидаясь ее, чтобы продолжить свою успокоительную терапию.

— Между прочим, — заводила она с порога, вернувшись закутанная в халат и с тюрбаном из полотенца на голове, — еще неизвестно, как чувствовала бы себя на нашем празднике жизни ты, Катя. Думаю, что тебя просто не заметили бы из-за твоего маленького роста. Да и одеваешься ты вульгарно, у тебя же совершенно нет вкуса! Ты пойми, единственное твое сокровище, которое